Презумпция добросовестности и правило делового решения (business judgment rule) в российской правоприменительной практике: проблема избирательного применения в спорах из государственных контрактов

Хачетлов Ислам Хасанович
адвокат, Адвокатская палата, Кабардино-Балкарской Республики, xachetlov@bk.ru

Статья посвящена проблеме избирательного применения презумпции добросовестности и правила делового решения (Business Judgment Rule) в российской арбитражной практике. На основе анализа доктрины и обширной судебной практики показано, что в корпоративных и банкротных спорах действия директоров и арбитражных управляющих последовательно защищаются презумпцией добросовестности и правилом делового решения, в то время как в спорах о недействительности государственных контрактов сложился противоположный подход – «судебная презумпция недобросовестности» исполнителя, при которой недобросовестность подрядчика презюмируется из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ, а последствия недействительности применяются в виде одностороннего взыскания оплаты с сохранением результата работ у публичного субъекта. Обосновывается, что такое расхождение является системной деформацией правоприменения, нарушающей принципы равенства и правовой определенности, и предлагаются пути его устранения.

Ключевые слова: правило делового решения, Business Judgment Rule, презумпция добросовестности, судебная презумпция недобросовестности, государственный контракт, недействительность сделки, реституция, предпринимательский риск.

Введение.

Обеспечение баланса между свободой предпринимательского усмотрения и недопустимостью злоупотребления правом является одной из фундаментальных проблем частного права. Особую остроту данная проблема приобретает в тех случаях, когда в правоотношении сталкиваются публичный интерес и частная инициатива. Как показывает новейшая правоприменительная практика, в сфере государственных и муниципальных закупок сформировался устойчивый дисбаланс: при признании контракта недействительным по основаниям, связанным с нарушением процедур, допущенных публичным заказчиком, все негативные имущественные последствия возлагаются исключительно на исполнителя (подрядчика). При этом публичная сторона не только не несет каких-либо потерь, но и де-факто извлекает выгоду, сохраняя за собой результат исполнения без встречного предоставления.

В корпоративном праве и смежных с ним институтах (например, в законодательстве о банкротстве) для защиты управленческих решений от последующей судебной переоценки активно применяется правило делового решения (Business Judgment Rule, далее – BJR). Суть данной доктрины, выработанной в англо-американском праве и воспринятой российскими судами, заключается в презумпции добросовестности и разумности действий директора (или управляющего) при принятии деловых решений, если они не выходили за пределы обычного предпринимательского риска [1]. В российской доктрине отмечается, что де-факто сложился функциональный аналог этого правила, ограждающий менеджмент от необоснованного привлечения к имущественной ответственности за сами по себе негативные последствия деловой активности [1].

Однако анализ обширной судебной практики арбитражных судов демонстрирует тревожную тенденцию: правило защиты делового решения и вытекающая из него презумпция добросовестности последовательно применяются для оценки действий арбитражных управляющих в делах о банкротстве и директоров в корпоративных спорах, но полностью игнорируются, когда речь заходит об исполнителе по государственному или муниципальному контракту. В последнем случае суды подменяют установленную законом презумпцию добросовестности (п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) не основанной на законе «судебной презумпцией недобросовестности». Согласно этому подходу, сам факт нарушения заказчиком требований Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) к процедуре закупки автоматически презюмирует недобросовестность обеих сторон, включая исполнителя, и позволяет суду применять последствия недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ) исключительно в виде взыскания с исполнителя всей полученной им оплаты без какой-либо компенсации со стороны заказчика за полученный им результат работ.

С научной точки зрения, данная коллизия высвечивает ряд доктринальных пробелов. Несмотря на наличие глубоких исследований природы и функций добросовестности в гражданском праве [2], [3], а также детальных работ, посвященных правилу делового решения [1], [4], [5], остается практически не изученным вопрос о пределах действия BJR и презумпции добросовестности в правоотношениях с участием публичного субъекта, где один из контрагентов (заказчик) априори является «профессионалом» и несет институциональную ответствен-

ность за соблюдение законности. Само правило делового решения в континентальной правовой системе и, в частности, в России, находится в стадии становления и применяется судами фрагментарно и непоследовательно [5]. Сравнительно-правовой анализ показывает, что даже в странах общего права, где BJR зародилось, его основная функция – стимулирование принятия менеджментом разумных, хотя и рискованных, решений [6], [7], в то время как в российской практике происходит обратное: добросовестный исполнитель наказывается за чужие процедурные нарушения, что ведет к снижению деловой активности в сфере госзакупок.

Целью настоящей статьи является выявление доктринальных и практических предпосылок формирования «судебной презумпции недобросовестности» в спорах из государственных контрактов и обоснование необходимости унификации подходов к защите делового решения и единообразному применению презумпции добросовестности ко всем участникам экономического оборота. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на основе комплексного анализа доктрины, обширной судебной практики и конкретных правоприменительных кейсов выявляется и описывается феномен «судебной презумпции недобросовестности» как антипода правила делового решения, а также обосновывается тезис о том, что избирательное применение BJR в зависимости от субъектного состава и категории спора является системной ошибкой правоприменения.

1. Доктринально-правовые основы презумпции добросовестности и правила делового решения (Business Judgment Rule).

Добросовестность является одним из основополагающих начал гражданского законодательства Российской Федерации. Пункт 3 статьи 1 ГК РФ устанавливает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В развитие этого общего принципа пункт 5 статьи 10 ГК РФ закрепляет презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий. Данная презумпция носит опровержимый характер: лицо, ссылающееся на недобросовестность контрагента, обязано доказать наличие соответствующих обстоятельств.

В отечественной цивилистической доктрине содержание принципа добросовестности раскрывается через совокупность критериев, выработанных как наукой, так и правоприменительной практикой. Так, на основе сравнительно-правового анализа российского и английского права Гришиной Я.С. и Борисовой Л.В. выделены основные критерии объективной добросовестности, релевантные для оценки поведения участников договорных отношений: учет сторонами прав и законных интересов друг друга и ненарушение баланса между ними; предоставление полной и достоверной информации; проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора; оказание взаимного необходимого содействия для достижения цели договора; соблюдение сложившихся деловых отношений [2]. Именно эти критерии должны служить ориентиром для суда при квалификации поведения участников спора в качестве добросовестного или недобросовестного.

Зайцева Н.В., исследуя принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей, подчеркивает его полисемичность и функциональную многозначность. Автор отмечает, что в российском праве принцип добросовестности выполняет несколько функций: комплементарную (восполнение пробелов договорного регулирования), адаптивную (учет изменившихся обстоятельств) и ограничительную (пресечение злоупотребления правом) [3]. При этом важнейшей задачей добросовестности является учет субъективной составляющей правоотношения с целью исключить поведение участников, направленное на дискриминацию правового положения другой стороны.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей. Таким образом, на уровне высшей судебной инстанции закреплен объективный стандарт добросовестности, основанный на модели поведения разумного и честного участника оборота.

Правило делового решения (Business Judgment Rule) является одной из центральных доктрин корпоративного права, зародившейся в судебной практике Соединенных Штатов Америки и впоследствии получившей широкое распространение в правовых системах многих стран мира. Как отмечает Дисани Т., возникновение судебной доктрины BJR связывают с решением Верховного суда Луизианы по делу Percy v. Millaudon (1829 г.), которым было установлено, что директор компании, действовавший добросовестно и в отсутствие конфликта интересов, не может быть привлечен к ответственности за убытки, причиненные корпорации его деловыми решениями [6]. В правовой системе США правило делового решения выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно выступает в качестве стандарта судебной проверки, ограничивающего вмешательство суда в оценку экономической целесообразности решений; с другой стороны, является процессуальной презумпцией, возлагающей бремя доказывания на лицо, оспаривающее деловое решение. Согласно подходу, закрепленному в Принципах корпоративного управления Американского института права (ALI) и воспринятому судами штата Делавэр, директор считается действовавшим добросовестно, если он: 1) не был заинтересован в предмете сделки; 2) владел достаточной информацией для принятия решения; 3) разумно полагал, что принятое решение отвечает наилучшим интересам компании [6].

Надеев И.Ю. в сравнительно-правовом исследовании подчеркивает, что BJR является своеобразной «правовой аномалией», поскольку вступает в прямой конфликт с принципом полного возмещения вреда [5]. Освобождение директора от обязанности нести негативные имущественные последствия своих действий обосновывается в доктрине с позиций нескольких теорий: теории риска, теории ретроспективы и теории отсутствия опыта. Теория риска исходит из того, что возложение на директора полной ответственности за убытки корпорации неизбежно приведет к избранию им излишне консервативной стратегии управления. Теория ретроспективы акцентирует внимание на когнитивном искажении («предвзятость в ретроспективе»): судья, уже знающий о наступившем негативном результате, склонен преувеличивать возможность его предвидения [5]. Вместе с тем автор признает, что во многих странах континентального права BJR или его функциональные аналоги были легально закреплены или признаны судебной доктриной.

В российском праве правило делового решения не получило прямого законодательного закрепления, однако его основные идеи были постепенно восприняты отечественной правовой системой. Первым значимым шагом стало Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П, в котором была сформулирована принципиальная позиция: судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод заинтересованных лиц, а не проверять экономическую целесообразность решений. Эта позиция получила развитие в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.05.2007 № 871/07, где было указано, что единоличный исполнительный орган общества не может быть признан виновным в причинении убытков, если он действовал в пределах разумного предпринимательского риска.

Главным этапом в рецепции BJR стало принятие Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Как отмечает Кузнецов А.А. в комментарии к данному Постановлению, в нем нашли отражение

основные элементы правила делового решения [1]. В абзаце втором пункта 1 Постановления № 62 закреплено, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период, когда в состав его органов входил директор, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий, поскольку возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности. Кузнецов А.А. подчеркивает, что «выход за пределы обычного делового (предпринимательского) риска» является синонимом недобросовестных и (или) неразумных действий, а не неким дополнительным обстоятельством, подлежащим отдельному доказыванию [1].

Леденев В.В., исследуя применение правила делового суждения к действиям мажоритарного участника в непубличных коммерческих корпорациях, выделяет несколько доводов в пользу данного правила: защита от судебных ошибок при оценке бизнес-решений, стимулирование принятия рискованных, но потенциально прибыльных стратегий, снижение числа неоправданных исков [4]. Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что применение BJR в наибольшей степени оправдано в ситуациях, когда действия лица не связаны с конфликтом интересов и имеют пропорциональные для всех участников последствия. Этот вывод имеет прямое отношение к проблематике споров из государственных контрактов: подрядчик, действующий в рамках публично объявленной процедуры, априори не находится в состоянии конфликта интересов с заказчиком и вправе рассчитывать на защиту своих разумных ожиданий.

В судебной практике арбитражных судов применение правила делового решения прослеживается достаточно отчетливо, однако преимущественно в двух категориях дел: в корпоративных спорах о взыскании убытков с директоров и в делах о банкротстве при оценке действий арбитражных управляющих. Так, в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2020 по делу № А45-11471/2014 суд прямо сослался на принцип «защиты делового решения менеджера (business judgment rule), который существует в российском праве в виде категории разумного предпринимательского риска». В Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2022 по делу № А41-23550/2022 указано, что «сами по себе негативные последствия… не свидетельствуют о недобросовестности… поскольку возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской деятельности… судебный контроль призван обеспечивать защиту прав, а не проверять экономическую целесообразность решений». В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2021 по делу № А60-27662/2020 суд кассационной инстанции констатировал, что «в российском корпоративном праве, по сути, применяется аналог так называемого правила делового решения (business judgment rule)» [8-11].

Таким образом, в российском праве сложился устойчивый доктринальный и правоприменительный подход, в соответствии с которым действия директоров (управляющих), совершенные в пределах обычного предпринимательского риска, защищены презумпцией добросовестности и не подлежат судебной переоценке. Однако данный подход необъяснимым образом игнорируется судами при рассмотрении споров о недействительности государственных контрактов.

2. «Судебная презумпция недобросовестности» в спорах о недействительности государственных контрактов.

Анализ судебной практики по спорам о недействительности государственных (муниципальных) контрактов, заключенных с нарушением процедур Закона № 44-ФЗ, позволяет констатировать формирование принципиально иного правоприменительного подхода, который предлагается обозначить как «судебную презумпцию недобросовестности» исполнителя.

Типичная фабула дел данной категории выглядит следующим образом. Уполномоченный муниципальный или государственный заказчик размещает закупку в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ. Участник закупки, ознакомившись с размещенной информацией и действуя исходя из публично объявленных условий, принимает участие в процедуре, по результатам которой с ним заключается контракт. Исполнитель выполняет предусмотренные работы, результат принимается заказчиком и используется по назначению. Однако впоследствии антимонопольный орган или иное заинтересованное лицо обращается в суд с требованием о признании контракта недействительным, ссылаясь на нарушение заказчиком порядка определения поставщика. Суд удовлетворяет иск, и, что принципиально важно, применяет последствия недействительности исключительно в виде взыскания с подрядчика всей полученной по контракту оплаты, оставляя результат работ у заказчика без какой-либо компенсации.

Именно такая модель была реализована в ряде дел, рассмотренных арбитражными судами Северо-Кавказского и других округов. Как следует из материалов судебной практики, суды мотивировали отказ в двусторонней реституции тем, что «нарушение требований Закона № 44-ФЗ предполагает недобросовестность обеих сторон сделки», а исполнитель «не может рассчитывать на получение платы, так как извлечение преимущества из незаконного или недобросовестного поведения противоречит статье 1 ГК РФ» [12-16]. Таким образом, суды не устанавливали конкретные обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности подрядчика (осведомленность о нарушениях, наличие сговора), а выводили эту недобросовестность из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ.

Более того, в ряде судебных актов содержится дополнительная мотивировка: возврат заказчиком полученного в натуре признается невозможным, а возврат в денежном эквиваленте – «не имеющим смысла» с учетом нарушения порядка заключения контракта, поскольку это «дезавуирует применение Закона № 44-ФЗ» и создает условия для приобретения незаконных имущественных выгод. Фактически суды смешивают два самостоятельных института – недействительность сделки и ее незаключенность, квалифицируя полученные подрядчиком денежные средства как неосновательное обогащение при отсутствии «надлежащим образом заключенного контракта» [15, 16].

Элементом данного подхода является именно презумпция недобросовестности, не имеющая законодательного закрепления. Пункт 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает прямо противоположное: добросовестность участников гражданского оборота предполагается. Подрядчик, действовавший в рамках публично объявленной закупки, не обладавший властными полномочиями и не имевший доступа к внутренней документации заказчика, объективно не имел возможности усомниться в законности процедуры. Требование о том, чтобы участник закупки перепроверял соблюдение заказчиком всех процедурных требований, не основано на законе и противоречит принципу правовой определенности.

Сформировавшаяся «судебная презумпция недобросовестности» вступает в фундаментальное противоречие с презумпцией добросовестности, нарушает принцип равенства участников гражданского оборота и подрывает доверие к государству. Публичный субъект, с одной стороны, формирует специальное регулирование контрактной системы, концентрируя в своих руках полномочия по организации и проведению закупок, а с другой – в случае признания сделки недействительной полностью перекладывает риски на контрагента, извлекая при этом имущественное преимущество. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, поддержание доверия граждан и юридических лиц к закону и действиям государства является необходимым элементом правового государства [17].

Примечательно, что данная проблема не осталась незамеченной научным сообществом. В рекомендациях Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа подчеркнуто, что само по себе нарушение законодательства о контрактной системе не образует автоматического

вывода о недобросовестности исполнителя и не исключает применения восстановительных механизмов гражданского законодательства при наличии соразмерного встречного предоставления [18].

3. Сравнительный анализ подходов судов к оценке добросовестности в корпоративных (банкротных) спорах и спорах из государственных контрактов.

Сопоставление двух правоприменительных моделей по основным критериям позволяет выявить их фундаментальное расхождение.

По критерию бремени доказывания: в корпоративных и банкротных спорах действует презумпция добросовестности – именно истец обязан доказать недобросовестность и (или) неразумность действий директора или арбитражного управляющего. Кузнецов А.А. подчеркивает, что лишь в исключительных случаях – при отказе директора от дачи пояснений или их явной неполноте – бремя доказывания может быть переложено на него [1]. В спорах из госконтрактов бремя фактически перекладывается на исполнителя, который вынужден доказывать свою добросовестность в условиях отсутствия доступа к документации заказчика и ограниченных процессуальных возможностей.

По критерию учета предпринимательского риска: в корпоративных и банкротных спорах действия, совершенные в пределах обычного делового риска, защищены от судебной переоценки. В спорах из госконтрактов категория предпринимательского риска не применяется – исполнитель несет риск не только за свои действия, но и за процедурные нарушения, допущенные заказчиком. Это противоречит принципу распределения рисков между сторонами обязательства и искажает саму природу предпринимательской деятельности.

По критерию оценки экономической целесообразности: в корпоративных и банкротных спорах суды последовательно отказываются оценивать экономическую целесообразность принятых решений, ограничиваясь проверкой процедурных аспектов. В спорах из госконтрактов суды, напротив, по существу оценивают целесообразность заключения контракта с позиции ex post, исходя из установленного факта нарушения заказчиком процедур.

По критерию правовой природы последствий: в корпоративных спорах применяется двусторонняя реституция, направленная на восстановление имущественного положения сторон. В спорах из госконтрактов реституционный механизм подменяется фактически конфискационным изъятием у одной стороны при сохранении выгод у другой.

По критерию учета поведения обеих сторон: при признании сделки недействительной в корпоративных спорах учитывается поведение всех участников, и при наличии одобрения сделки коллегиальными органами применяется солидарная ответственность. В спорах из госконтрактов недобросовестность заказчика, прямо установленная судом, не влечет для него никаких имущественных последствий [19, 20].

Данное расхождение не может быть объяснено различиями в фактическом составе или правовой природе соответствующих отношений: и в том, и в другом случае речь идет об оценке добросовестности участника гражданского оборота, чьи действия привели к определенным имущественным последствиям. Причина видится в том, что в спорах из госконтрактов суды придают абсолютный приоритет публичному интересу, связанному с соблюдением бюджетной дисциплины, игнорируя при этом фундаментальные принципы гражданского права. Последствия такого подхода носят системный характер: добросовестный подрядчик не может предвидеть, что спустя годы исполненный и принятый контракт будет аннулирован со взысканием с него всей полученной оплаты при сохранении результата у заказчика. Это дестимулирует участие в публичных закупках, что противоречит целям самого Закона № 44-ФЗ.

4. Направления совершенствования правоприменительной практики и законодательства.

Устранение выявленного дисбаланса требует комплексного подхода, включающего меры как правотворческого, так и правоприменительного характера.

Первым направлением является восполнение законодательного пробела. Закон № 44-ФЗ не содержит специальных норм, определяющих особенности применения последствий недействительности контрактов, заключенных с нарушением установленных процедур. В отсутствие таковых суды вынужденно применяют общие положения ст. 167 ГК РФ, однако деформируют этот механизм. Представляется необходимым дополнить Закон № 44-ФЗ специальной нормой, устанавливающей, что при признании контракта недействительным по основаниям, связанным с нарушением процедур его заключения, последствия недействительности применяются с учетом общих принципов гражданского права, включая презумпцию добросовестности и недопустимость извлечения преимущества из недобросовестного поведения, а отказ в двусторонней реституции возможен лишь при доказанности фактической недобросовестности подрядчика.

Вторым направлением является унификация подходов на уровне судебной практики. На уровне разъяснений Верховного Суда РФ следовало бы закрепить подход, в соответствии с которым презумпция добросовестности в равной мере распространяется на всех участников гражданского оборота, включая исполнителей по государственным контрактам; при оценке поведения подрядчика судам надлежит руководствоваться теми же стандартами, которые выработаны применительно к директорам и арбитражным управляющим; отказ в двусторонней реституции возможен лишь при установлении конкретных обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности подрядчика, а не презюмируется из факта нарушения процедур заказчиком.

Третьим направлением является упорядочение процессуальных аспектов рассмотрения данной категории споров. Как показывает анализ судебной практики, именно неверное распределение бремени доказывания стало фактором, предопределяющим неблагоприятный для исполнителя исход. Лицо, ссылающееся на недобросовестность подрядчика, обязано доказать наличие конкретных обстоятельств, свидетельствующих о такой недобросовестности. В развитие идей, высказанных Гришиной Я.С. и Борисовой Л.В., для оценки субъективной составляющей добросовестности предлагается использовать критерий «знал – не знал»: суду надлежит устанавливать, был ли подрядчик осведомлен о допущенных заказчиком нарушениях и имел ли объективную возможность получить такую информацию [2].

Четвертым направлением является учет доктринальных рекомендаций. Позиция Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа о недопустимости автоматического вывода о недобросовестности исполнителя из факта нарушения законодательства о контрактной системе заслуживает отражения в соответствующих обзорах судебной практики Верховного Суда РФ.

Наконец, принципиально важным является восстановление конституционного баланса и поддержание доверия к государству. Зайцева Н.В. подчеркивает, что главной задачей добросовестности является исключение поведения, направленного на дискриминацию правового положения другой стороны [3]. Именно такая дискриминация и происходит в случае применения «судебной презумпции недобросовестности»: частный субъект ставится в заведомо худшее положение по сравнению с публичным заказчиком. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что государство, формируя правовое регулирование, должно действовать последовательно и предсказуемо, не извлекая имущественную выгоду из дефектов созданной им же нормативной конструкции [17].

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

В российской правовой системе сложился и применяется функциональный аналог правила делового решения (Business Judgment Rule), основное содержание которого заключается в презумпции добросовестности и разумности действий директора (арбитражного управляющего), принятых в пределах обычного предпринимательского риска и при отсутствии конфликта интересов.

В спорах о недействительности государственных (муниципальных) контрактов сформировалась противоположная правоприменительная модель – «судебная презумпция недобросовестности», при которой недобросовестность исполнителя презюмируется из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ, а последствия недействительности применяются исключительно к нему.

Сосуществование двух полярных моделей в рамках одной правовой системы является системной деформацией правоприменения, нарушающей принцип равенства, презумпцию добросовестности и конституционные гарантии, и требует устранения путем законодательного восполнения пробелов, унификации судебной практики и упорядочения стандартов доказывания.

Литература

1. Кузнецов А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
2. Гришина Я.С., Борисова Л.В. Принцип добросовестности в реализации и защите субъективных гражданских прав сторон договора в Англии и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 45–65.
3. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 476–501.
4. Леденев В.В. Правило делового суждения мажоритарного участника в контексте правовой природы непубличной коммерческой корпорации // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 97–102.
5. Надеев И.Ю. Правило делового решения в корпоративном праве Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Ex jure. 2024. № 1. С. 101–120.
6. Дисани Т. Понятие правила о решении, принятом разумно действующим предпринимателем, в корпоративном праве США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.
7. Брисов Ю.В. Реализация принципа добросовестности в странах обычного права // Образование и право. 2016. № 7.
8. Марутенков М. Презумпция правила делового решения при взыскании убытков с директора (Business Judgment Rule, BJR) // Закон.ру. 04.07.2025.
9. Хасаншин Р.И. Категория «усмотрения» в корпоративных отношениях // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 3. С. 114–117.
10. Анищенко С.Д. Признаки, характерные для концепции «снятие корпоративной вуали» // Образование и право. 2022. № 4. С. 195–198.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
15. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П; Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 по жалобе АО «Медторгсервис».
18. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа (утверждены по итогам заседания от 25 апреля 2025 г.).
19. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2020 по делу № А45-11471/2014.
20. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2020 по делу № А45-11471/2014.
21. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2022 по делу № А41-23550/2022.
22. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 по делу № А41-20956/2022.
23. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2021 по делу № А60-27662/2020.
24. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2024 по делу № А41-81004/2023.
25. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2023 по делу № А50-405/2023.
26. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 08.06.2023 по делу № А33-8667/2022.
27. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 по делу № А41-80812/2021.
28. Решение Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 12.03.2025 по делу № А20-6927/2024; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2025 по тому же делу; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.09.2025 по тому же делу; Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2025 № 308-ЭС25-11942.

Presumption of good faith and business judgment rule in russian law enforcement practice: the problem of selective application in disputes over state contracts

Khachetlov I.Kh.

Bar Association of the Kabardino-Balkarian Republic

The article is devoted to the problem of selective application of the presumption of good faith and the Business Judgment Rule in Russian arbitration practice. Based on an analysis of doctrine and extensive judicial practice, it is shown that in corporate and bankruptcy disputes the actions of directors and bankruptcy trustees are consistently protected by the presumption of good faith and the Business Judgment Rule, while in disputes on the invalidity of state contracts an opposite approach has emerged – a «judicial presumption of bad faith» of the contractor, whereby the contractor's bad faith is presumed from the mere fact of the customer's violation of the procedures of Law No. 44-FZ, and the consequences of invalidity are applied in the form of unilateral recovery of payment while the public entity retains the result of the work. It is substantiated that such divergence constitutes a systemic distortion of law enforcement, violating the principles of equality and legal certainty, and ways to eliminate it are proposed.

Keywords: Business Judgment Rule, presumption of good faith, judicial presumption of bad faith, state contract, invalidity of a transaction, restitution, entrepreneurial risk.

References.

1. Kuznetsov A.A. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 30, 2013, No. 62 «On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Part of the Bodies of a Legal Entity» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 10.
2. Grishina Ya.S., Borisova L.V. The Principle of Good Faith in the Implementation and Protection of Subjective Civil Rights of the Parties to a Contract in England and Russia // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. Issue 47. pp. 45–65.
3. Zaitseva N.V. The Principle of Good Faith and Its Impact on the Qualification of Legal Relationships // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. Issue 49. pp. 476–501.
4. Ledenev V.V. The Rule of Business Judgment of a Majority Participant in the Context of the Legal Nature of a Non-Public Commercial Corporation // Social and Political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 4. pp. 97–102.
5. Nadeev I.Yu. The Rule of Business Decision in the Corporate Law of the People's Republic of China: A Comparative Legal Aspect // Ex jure. 2024. No. 1. pp. 101–120.
6. Disani T. The Concept of the Rule on a Decision Made by a Reasonably Acting Entrepreneur in the Corporate Law of the USA // RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2011. No. 2.

7. Brisov Yu.V. Implementation of the Principle of Good Faith in Common Law Countries // Education and Law. 2016. No. 7.
8. Marutenkov M. Presumption of the Business Judgment Rule in Recovery of Damages from the Director (Business Judgment Rule, BJR) // Zakon.ru. July 4, 2025.
9. Khasanshin R.I. The Category of «Discretion» in Corporate Relations // Business in Law. Economic and Legal Journal. 2016. No. 3. pp. 114–117.
10. Anishchenko S.D. Features Characteristic of the Concept of "Piercing the Corporate Veil" // Education and Law. 2022. No. 4. pp. 195–198.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ.
12. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs.»
13. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation.»
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30.07.2013 No. 62 «On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Part of the Bodies of a Legal Entity.»
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2004 No. 3-P.
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 21, 2003, No. 6-P; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2022, on the complaint of Medtorgservis JSC.
18. Recommendations of the Scientific Advisory Council at the Arbitration Court of the North Caucasus District (approved following the meeting of April 25, 2025).
19. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of February 26, 2020, in case No. A45-11471/2014.
20. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of July 28, 2020, in case No. A45-11471/2014.
21. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 21.12.2022 in case No. A41-23550/2022.
22. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 27.10.2022 in case No. A41-20956/2022.
23. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 03.12.2021 in case No. A60-27662/2020.
24. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 24.09.2024 in case No. A41-81004/2023.
25. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated September 18, 2023, in case No. A50-405/2023.
26. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated June 8, 2023, in case No. A33-8667/2022.
27. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated July 14, 2022, in case No. A41-80812/2021.
28. Decision of the Arbitration Court of the Kabardino-Balkarian Republic dated March 12, 2025, in case No. A20-6927/2024; Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated June 30, 2025, in the same case; Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated September 3, 2025 on the same case; Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 1, 2025 No. 308-ES25-11942.